

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

г. Москва

НЕГАТИВ ДЛЯ ПИСАТЕЛЯ - НЕ «ТАБУ». НО ВАЖНЕЕ - ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

О книге рассказов участников творческого семинара А.В. Воронцова «Точки». – М.: Издательство «Спорт и культура» – 2000», 2013. – 128 с.

Основа полноценности любого рода искусства – это творческая свобода, поэтому никаких запретных тем для художника не существует априори, важна только художественная оправданность погружения в те или иные бездны души или человеческого бытия. Писатель вправе провести своего героя через самые страшные житейские испытания, погрузить его на социальное дно, дать окунуться в клоаку разврата и безнравственности, позволить испытать вкус морального падения, пройти сквозь ужасающую грязь, боль, унижения, насилие, беду и бедность, если только всё это помогает ему показать путь взросления души человека, обретения им веры в людей или в Бога, укрепления его духовной силы, становления идейной убеждённости и вообще хотя бы как-то влияет на формирование и развитие личности героя.

Жизнь – это бесконечный экзамен, по сравнению с которым ЕГЭ кажется не более чем кроссвордом в субботней газетке, но, заставляя своего героя «отвечать» по ходу сюжета на вопросы самой различной сложности, писатель концентрирует внимание своего читателя не столько на непосредственных мерзостях и трудностях окружающей жизни, сколько на способности человека найти в себе силы для победы над этими ними. Творческая неудача романа Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» состоит, на мой взгляд, не в том, что он перегрузил его показом негативных сторон военного быта, а в том, что, сосредоточив своё художественное внимание на, так сказать, одной только физиологии жизни российской армии, он совершенно упустил из виду духовную сторону её существования, хотя для такого большого художника, каким был автор «Царь-рыбы», как раз и было бы важно исследовать вопрос о том, как именно более слабая в техническом отно-

шении советская армия смогла оказаться духовно сильнее армии вооружённого до зубов вермахта и в чём она отыскивала силы для своей победы. Но, сконцентрировав своё внимание в ущерб постижению загадки духовной мощи русского солдата на том, где и как справлялись большую и малую нужду сибирские новобранцы, Астафьев вольно или невольно перевёл свой роман из категории высокой героической оды в плоскость мелкого пасквиля, в котором поступки второстепенного порядка оказались выведены на передний план, оттеснив собой главные мотивы поведения героев и движение их души. Таким образом, акцент с внутренней сути событий оказался перенесённым на их чисто внешнюю динамику, уподобляя астафьевский роман современным компьютерным играм, в которых прохождение «героя» через всё более высокие игровые уровни ни в малейшей степени не влияет на его духовный рост, а только накапливает баллы для «покупки» более совершенных видов оружия. К сожалению, сегодня эта схема становится доминирующей в литературе, вытесняя собой утверждавшуюся в течение долгого ряда веков отечественными и мировыми классиками традицию первостепенного внимания к душам героев и психологизму их поведения.

С особенной отчётливостью недостатки подобной схемы видны на произведениях таких авторов, как Маркиз де Сад или, скажем, наш Баян Ширянов – и не потому, что эти авторы с головой погружают своих героев в сплошной негатив бездуховности и безнравственности, а потому, что за всем этим не видно художественной сверхзадачи. Если, соприкасаясь с теми или иными картинками жизни (не важно даже – реальными или смоделированными автором), литературный герой не обретает ни духовного опыта, ни веры, ни нравственного роста – да и вооб-

ще не претерпевает ровным счётом никаких изменений, то он выполняет не более как роль курсора, наведённого на тот или иной участок текста или определённую картинку с целью их выделения, и в силу этого не имеющего самостоятельной художественной ценности. Таким образом, носителем этой художественной ценности автоматически становится сам фон произведения – то есть то, что должно было играть в нём второстепенную роль, всего лишь помогая герою ярче и отчётливее проявлять свои душевные, умственные, гражданские или иные качества. А поскольку герой повествования каким-то образом входит в него на первой странице, таким образом из него на последней и выходит, то экзамен оказывается как бы важнее самого экзаменуемого, литературный фон – весомее персонажа, а тот жизненный негатив, погружение в который должно было помочь совершенствованию внутренних качеств героя, переходит из категории декораций в объект самоценного смакования, становясь таким образом единственным (и потому главным) предметом показа в произведении. Именно это происходит в романе Астафьева «Прокляты и убиты», где вопросы отправления новобранцами большой и малой нужды становятся важнее вопроса совершения ими подвига; это же мы видим и в «Срединном пилотаже» Баяна Ширинова, где оставшиеся без внутренней реакции и нравственной оценки героя сцены употребления наркотиков или гомосексуальных совокуплений, может быть, даже против воли автора обретают характер самоценного смакования.

Будь это единственными фактами российского литературного процесса конца XX – начала XXI столетия, то, возможно, это и не заслуживало бы столь пространных размышлений, однако анализ довольно большого количества произведений тех, кто вступает в нашу литературу сегодня, показывает, что вследствие произошедшего за постперестроечные годы освобождения литературы от идеологической составляющей погружение литературного героя в негатив стало носить практически самодостаточный характер, демонстрируя читателю не примеры преодоления негативных явлений, а только сам факт наличия в жизни, обществе или сознании непосредственно самого героя множества явлений, тенденций и мыслей негативного характера. Об этом красноречиво говорит вышедший в начале 2013 года сборник «Точки», имеющий жанровое определение «современный рассказ» и составленный из произведений участников семинара прозы Высших литературных курсов, которым руководит известный русский прозаик, критик и публицист А.В. Воронцов. Знакомство с этой небольшой, но по-своему уникальной книжкой показывает, насколько ши-

роким сегодня является пессимистично-негативное восприятие жизни у тех, чья личностное, гражданское и творческое становление пришлось на последние два – два с половиной десятилетия российской истории. И это ставит перед отечественными литературой и культурой (а может быть, и властью) вопрос огромной социальной значимости: почему в сборнике выпускников Высших литературных курсов, составленном из произведений семнадцати, в общем-то, вполне состоявшихся и талантливых авторов, нет, по сути, ни одного (!) рассказа, свидетельствующего о позитивном видении жизни и оптимистическом отношении к будущему? Тупик, смерть, уныние, тоска и бессмысленность существования – вот те философские «кирпичики», из которых складывается мировоззренческое здание авторов, приходящих, надо полагать, на смену Валентину Распутину, Василию Белову и всем тем прозаикам старшего поколения, что составляют сегодня творческий актив журнала «Наш современник» и других почвеннических изданий. Не будем касаться здесь вопроса о том, как надо писать – над этим с участниками сборника «Точки» не один год работал прекрасно знающий законы прозы Андрей Воронцов и кое-чему их в этом жанре научил. По крайней мере, к стиливой стороне творчества авторов сборника каких-то принципиальных претензий нет, выразить свою мысль или внятно изложить сюжет они умеют вполне профессионально. Вот только всё дело в том, что, в отличие от литературы Запада, в России на первом месте всегда стоял вопрос не «как писать», а – «что писать», то есть – во имя чего браться за перо и прогонять своих героев через тернии сочинённых или подсмотренных у жизни сюжетов. И вот тут-то в литературе эпохи отменённого соцреализма обнаруживается такая гигантская пустота, которая не снилась даже нещадно эксплуатирующему её образ Пелевину.

Собственно, с символических реверансов в адрес певца российского дзен-буддизма и начинается книга, даже название для которой представляет собой цитату из «откровения» одного из героев прозы Дмитрия Шостака, которой завершается его рассказ «Точки»:

*Будда на самом деле
Читатель,
а мы всего лишь точки
типогра
фской
кра
ск
и
.*

Все три включённые в книгу рассказа Дмитрия Шостака пронизаны таким духом безысходности и обречённости существования, что даже информация о его преждевременной гибели воспринимается как некая обоснованная и логически вытекающая из его творчества закономерность. Вся наша жизнь, по мнению автора, это только нелепый процесс старения нашей телесной оболочки, за которым с тоской и недоумением наблюдает заключённый в каждом из нас двойник («второй»), с нетерпением ждущий, когда же мы освободим его от нашего разрушающегося тела. Да и только ли от тела? От мира тоже, поскольку в этом мире «всё ненастоящее, как и жизнь второго, которого надо освободить...».

Следующий рассказ – «Пятилистник сирени» Екатерины Осориной – вообще написан от лица уже пять лет как умершей героини, создавшей (ещё при своей жизни) путём оцифровки собственного сознания электронный клон своего «я» и поддерживающей с его помощью иллюзию своего существования у такого же клона своего умершего ещё раньше брата. Тут уж не просто смерть, а смерть, похожая на два поставленных друг против друга зеркала, в которых их отражения дробятся и множатся до абсолютной бесконечности. «Я – просто отпечаток памяти на ладони у Бога», – в унисон «буквам в книге Будды» говорит о себе героиня рассказа Осориной.

Духом тоски и безысходности веет и от рассказа Нины Кроминой «Скворцы прилетели», описывающей бытие умирающей деревни, последний житель которой тоже едва не погибает, намернувшись с берёзы, на которую он полез, чтобы поправить покосившийся там скворечник. Таким образом, даже весенний прилёт скворцов, который обычно выступает символом обновления жизни, служит в рассказе Кроминой основанием для трагедии, лишь чудом не завершившейся смертью героя. Его душа уже отлетает от грешного тела и возносится над землёй, встречаясь с душой покойной супруги, но воспоминание об оставленной в доме одной малолетней внучке заставляет его очнуться и ползти к дверям дома. Хотя финал рассказа остаётся открытым и читатель должен сам дописывать концовку – доползёт ли, не доползёт?..

Таковы же по духу и два рассказа Гюльнэры Мыздриковой – «Песня про зайцев» и «Два залива». В первом из них опасно заблуждается работающая в глухой тайге молодая геологиня, ну а «до посёлка и больницы было 200 километров бездорожья» (эта, отдающая полной безнадёжностью, строчка является в рассказе последней). Герой же второго рассказа, казалось бы, всё-таки встречает женщину своей судьбы, но происходит это уже на исходе его жизни, «когда бежали уже их дни», как лайки по се-

верным снегам, всё более сокращая остающееся до конца расстояние.

О профессии убивать написан рассказ Алексея Контаря (Смирнова) «Со всеми это кончалось одинаково», в центре внимания которого мы видим снайпера, выполняющего свой «убойный» заказ. «Снайпер спокоен, думает о приятном», – сообщает нам автор, описывая, как он спокойно расстреливает «заказанную» ему машину и видит, как «после его выстрела кто-то маленький осел у заднего колеса». Даже читателю понятно, что он убил ребёнка (не зря же так рвалась к машине женщина!), но автор и его герой сохраняют ледяное спокойствие, как будто у заднего колеса осталась лежать всего лишь убитая кошка. Хотя нормальному человеку непросто убить даже кошку...

Рассказы Людмилы Комаровой напоминают, скорее, анекдоты, она ещё, похоже, трудно находит в окружающей реальности основу для своего творчества, но в тех историях, которые хотя бы немного приближаются к жизни, юмор становится каким-то тяжёлым и чёрным (как в рассказе про женщину, из которой выбили пробку и она ощутила, что из неё выходит воздух), а малейшая жизненная проблема обретает размеры вселенской трагедии – как в рассказе «Проездной», гипертрофирующем простейшую бытовую ситуацию с покупкой проездного билета.

Двадцать три года провёл в коме сбитый машиной персонаж рассказа Елены Яблонской «Семилайка». Как метафора загробного мира воспринимается атмосфера рассказа Елены Сафроновой «Меня зовут Джейн. И я ещё ребёнок, пока я пишу эти строки – я ещё ребёнок». Откровенной ненавистью дышит отрывок из повести Анны Чезгановой «Опыт удушья». «Все мы мертвы», – констатирует герой рассказа Марии Ундрицовой «Фальтер». Тема пустоты вновь возникает в рассказе Жанны Варнавской «Глупости», и с ней словно бы «рифмуется» рассказ-феерия Антонины Спиридоновой «Хозяева мира», в котором из нашей реальности исчезают все, кто «мешает жить» сильным мира сего. И даже любовь не приносит в эту жизнь радости, поскольку в любой момент на пороге может возникнуть разлучница и увести любимого прямо из тёплого дома, как это происходит в рассказе Алисы Анцелевич «Однажды у нас под Лондоном».

К нейтральным, не содержащим откровенного негатива, можно отнести рассказы Марины Ивановой, Зои Донгак и Натальи Ивановой, в которых, по крайней мере, никто не погибает. И только в рассказе Валентины Хохловой «Лёвкина яблоня» совершается нечто, что можно отнести к категории деятельного поступка, когда люди решаются наконец-то засы-

пать щербнем уже не один год мешающую всей улице огромную лужищу. Но и это происходит лишь после того, как, промочив в ней ранней весной ноги, тяжело заболел и умер беспомощный ребёнок...

И всё-таки, несмотря на этот, всё-таки встречающийся в книге, позитивный аккорд, на протяжении всего её чтения никак не удаётся отделаться от стойкого ощущения того, что она напоминает собой медицину, которая не избавляет больного от болезни, а только бездейтельно сопровождает его к смерти. А настоящая литература во все века именно для того и существовала, чтобы активно вести душу читателя к спасению, а не бессильно эскортировать её в сторону духовной гибели! Русские писатели старались своими книгами не просто вскрыть недостатки жизни современного им общества, но стремились дать ответы на самые жгучие и неотложные вопросы, а главное – на примере того, как их герои преодолевают превратности судьбы, давали читателям ориентиры для борьбы с их собственными (или общественными) трудностями. Негатив – это вовсе не запретная зона, куда писателю никоим образом не разрешается заводить своего героя, но вход в эту зону требует от него ясного понимания того, во имя чего он решил прогнать своих персонажей через шпицрутены душевных мук, унижений, грехопадений, стыда, боли, измен, потерь, предательств, соблазнов и множества других физических и нравственных испытаний. Настоящий литературный герой – это не бесчувственный курсор, перебрасывая который из одного угла монитора в другой, автор может пускать слюни над щекочущими его нервы страницами, делая при этом вид, что, обнажая перед нами зло, он его обличает и развенчивает, тогда как на самом деле он его не более как просто смакует. Да простится мне эта тавтология, но по-настоя-

щему настоящий герой умещает в себе намного больше, чем любой окружающий его фон, каким бы негативным он ни был. Потому что, помимо всех неправд и ужасов жизни, он несёт в себе ещё и силы для их преодоления. Об этом в своё время очень глубоко сказал поэт Николай Гумилёв:

*Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
а жизнь людей мгновенна и убога.
Но всё в себя вмещает человек,
который любит мир и верит в Бога.*

Литература соцреализма прекрасно понимала способность человека находить в себе то, чего нет в окружающем мире, преодолевая негатив жизни с помощью внутренних резервов оптимизма, веры в Бога и позитивного видения жизни. И если в сегодняшней литературе стало очевидным преобладание показа негативных явлений без их критического осмысления, значит, берущихся за перо молодых прозаиков нужно учить не только умению хорошо владеть писательским мастерством, но и умению позитивно мыслить, находя и показывая своему читателю проблески света в казалось бы самой что ни на есть беспросветной тьме. Чувствовать слово и владеть наработанными за предшествующие века литературными приёмами молодых писателей успешно учат Андрей Воронцов и его коллеги по Литературному институту и Высшим литературным курсам. Всеми же остальному их может научить только сама жизнь. Если, конечно, молодые писатели хотят вести души своих читателей к свету, а не безвольно следовать вслед за ними к черноте и мраку...

□

Николай Владимирович ПЕРЕЯСЛОВ родился в 1954 г.

Окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького по жанру критики и литературоведения.

Автор пятнадцати книг стихов, прозы и критики, также множества публикаций в периодике.

Лауреат литературных премий им. А.П. Платонова, А.Н. Толстого и Большой литературной премии России.

Член редакционного совета журналов: «Всерусский собор» (С.-Пб), «Донбасс» (Донецк), «Север» (Петрозаводск), альманаха «День поэзии», всеславянской газеты «Небесный Всадник» и других изданий.

Печатался в литературных журналах России, Украины, Беларуси, Казахстана, США, Германии, Болгарии, Китая и других стран.

Член Международной федерации журналистов, Международной ассоциации писателей

и публицистов, Союза журналистов Москвы и Союза писателей России.

Секретарь правления Союза писателей России.

Живёт в Москве.

